Ангелина Истомина

Конец человечности

Ангелина Истомина

Конец человечности

https://litres.ru/74842678
SelfPub; 2026

Аннотация

После мощной вспышки на Солнце мир рухнул за считанные часы: отключилось электричество, пропала связь, города погрузились в хаос. В условиях нарастающего беззакония и мародёрства женщина решается на отчаянный шаг — преодолеть тысячу километров, чтобы найти мужа и дочь, уехавших на отдых. Но в этом новом, жестоком мире никто не знает, остались ли они в живых. История о силе любви и готовности идти до конца, когда рушится привычный мир.

Содержание

Глава 1 4
Конец ознакомительного фрагмента. 9

Ангелина Истомина
Конец человечности

Глава 1

Холод пробирался мне под кожу. Никакая тёплая одежда не поможет, когда неделями кочуешь из одного места в другое: ночёвки у догорающего костра, еда — то, что успела собрать ещё дома, да то, что скупыми крохами выторговывала в редких живых деревнях. Ноги гудели, плечи, натёртые лямками рюкзака, саднило даже сквозь куртку. Я уже не помнила, когда в последний раз спала в комнате с крышей над головой. Дни слипались в один сплошной мрачный ком: идти, искать, прятаться, снова идти.

Только одно держало меня на ногах. Одна мысль, которую я перебирала, как золото старатели, — ради крохи надежды сутками стоя в холодной воде.

Ваня. Ева. Ожидают ли они меня вообще?

А началось всё одиннадцатого октября 2029 года. Я даже запомнила день — не потому, что предчувствовала что-то, а потому, что это был единственный день в году, когда я плакала от бессилия и стыда.

Путёвку в Карелию Ваня купил ещё в мае. Три недели базы осенью на берегу озера, лес, тишина — то, чего ему с Евой

не хватало весь проклятый рабочий год. Он торжественно вручил мне распечатку бронирования за ужином, как вручают подарок.

— Лили, ну когда-нибудь мы туда поедем, — сказал он. — Хотя бы напиши заявление в июле, пока график ещё не расписан.

— Куда, на берег Сямозера? И кто будет закрывать мой отчёт? — я усмехнулась и ткнула вилкой в его тарелку. — Езжайте вдвоём. Там как раз то время, когда ты ей сможешь всех комаров рассказать поимённо.

Еве тогда было девять. Она уже умела хмуриться по-взрослому, но ещё верила, что мир большой и добрый, если в нём есть папа.

— Мам, а если без тебя?.. — начала она.

— Без меня вы наконец отдохнёте как нормальные люди, — отрезала я. — А я приеду к вам попозже. Или вы ко мне вернётесь. Поедете в начале октября,а я уже через недельку.

Они уехали утром одиннадцатого октября. Помню, как Ваня на прощание поцеловал меня в макушку — я уже сидела в коридоре с ноутбуком, с наушниками, с этим своим «не сейчас, потом». Ева выглянула из-за его спины, помахала рукой и сказала:

— Мам, ты нам привезёшь маршмеллоу? Там костёр, папа обещал.

— Привезу, — сказала я. — Привезу целый пакет.

Дверь закрылась. Я досмотрела совещание, ответила на

одиннадцать писем и не знала, что вижу своих близких в последний раз — вот так, через порог, с обещанием про зефир.

Первые сутки всё было почти нормально. Ваня написал вечером: «Полпути, первый рубеж пройден, Ева ест борщ в столовой! Сам в шоке. Позвоню завтра». Сообщение пришло в 18:40, и я, между двумя звонками, ответила эмодзи с сердцем.

На следующий день связь исчезла.

Сначала я думала — оператор, вышка, обыкновенный сбой. К полудню замолчали телефоны у всех в офисе. Не «перегрузка», не «нет сети»: телефоны работали, но мир в них умер. Ни интернета, ни звонков, ни коротких гудков — просто тишина в трубке, как будто с другого конца сняли провода со всей планеты.

К вечеру погас свет. Не в одной квартире — весь квартал, потом, судя по тому, что рассказали те, кто доходил пешком из соседних районов, — весь город. Кто-то виновато повторял слово «солнечная вспышка», кто-то — «Кэррингтон», кто-то «событие как в 1859-м». Я узнала это слово потом, по обрывкам разговоров у костров и на пыльных перекрёстках: геомагнитный шторм такой силы, что выгорели трансформаторы, спутники, всё, что деликатно держало нашу жизнь в собственных руках. Электричество не «включили позже». Его не было нигде. И не было тех, кто мог бы его вернуть.

Третий день я провела у подъезда, как большинство соседей. Люди ещё держались: делились зарядами от машин, хо-

дили друг к другу, пересчитывали консервы. На четвёртый день никто не говорил о вспышке. Все говорили о воде и о ценах. На пятый у нашего дома вынесли витраж на первом этаже — просто так, чтобы взять и унести. Стало ясно: власть не то что «не справляется». Её больше нет. Ни полиции на углу, ни поликлиники, ни городка с банкоматами, которые теперь были просто коробками с презрительной табличкой.

Шестой день я собирала рюкзак.

Не буду притворяться, что решение далось мне сразу или что оно было героическим. Оно было отчаянным. От Карелии нас отделяли почти тысяча километров. Ни связи, ни транспорта, ни малейшего понятия, что там, по ту сторону тысячи километров разрухи. Может, Ваня и Ева уже в пути домой. Может, застряли на трассе. Может... я не позволяла себе заканчивать это предложение.

Я знала только одно: сидеть и ждать — значит ждать чужого решения о своей судьбе. Я писала диссертации, отчёты, планы. Впервые в жизни судьба требовала от меня не правильности, а непрерывности: шаг, ещё шаг, ещё.

В рюкзак легли: тёплые вещи, аптечка, консервы, топорик, спички, соль. На самом дне — пакет маршмеллоу, тот самый, который я собиралась везти в Карелию. Я не знаю, зачем. Наверное, затем же, зачем путешественники носят с собой домой тяжёлые камни: как обещание, которое нельзя рассыпать.

Дом я заперла, оставила записку на двери: «Ищу мужа и

дочь в Карелии. Если Ваня вернётся — ждите меня там же. Лилия». Знала ли я, что записку прочитает кто-то живой? Не знала. Но пустая квартира смотрелась хуже, чем квартира с надеждой на двери.

Теперь, спустя недели, я могу сказать то, чего не понимала тогда: путь в тысячу километров не растягивается в длину. Он растягивается в тебя. Первые 100 километров я была офисным человеком, который неудачно заблудился. Следующие 100 — человеком, который научился за день то, чему не учат годами: где спать так, чтобы не нашли; как варить лебеду, чтобы не было горько; как отличать стаю диких собак от стаи людей — и почему второе иногда страшнее.

Я боялась не того, что не найду их. Я боялась найти.

Впереди, по дорогам, где асфальт уже тронулся травой, лежали опустевшие города, доброжелательных и не очень людей, переправы, которых не было на картах, — и Карелия. Леса и вода, о которых Алиса говорила «мам, там же всё в мхах, как в кино».

— Держусь, — ответила я тогда по телефону в последний раз. — И маршмеллоу привезла уже.

Осталось дойти..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.